

УДК 394

DOI: 10.17223/22220836/29/8

Ю.А. Ишутина

СТРАТАГЕМНОЕ МЫШЛЕНИЕ КИТАЙЦЕВ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Китайцам присуще иероглифическое мышление. Построение любых планов связано с применением классического свода 36 стратагем как способа разрешения проблемной ситуации. Реализация региональной политики в стратегически важных для КНР точках мира осуществляется в рамках стратагемного мышления, которое успешно применимо к современным условиям. В статье рассматриваются основные направления применения стратагем в реализации внешнеполитических планов КНР на современном этапе, история вопроса и факторы развития политики мягкой силы.

Ключевые слова: *стратагемы, Ху Цзиньтао, национальная идентичность, региональная политика, традиция и современность.*

Современное информационное пространство предоставляет доступ к сведениям, касающимся вопросов возникновения и развития различных цивилизаций, виртуально стирая временные и пространственные рамки. Невиданные два десятилетия назад возможности получения информации позволяют рассмотреть некоторые аспекты функционирования китайского социума в новом свете. Одной из особенностей китайского мышления является его стратагемность, имплицитно применяемая на всех уровнях коммуникации представителями этого социума с целью получения преимущества или перехвата инициативы. Способы решения вопросов внешней и внутренней политики, проводимой КНР на современном этапе, основываются на прагматике и стратагемности в том числе. Последняя не утрачивает актуальности, под новым стратегическим подходом прослеживаются правила 36 стратагем как способа выхода из любой ситуации.

В разное время изучением стратегических приемов занимались отечественные и зарубежные ученые, например В.В. Малявин [1], А.И. Воеводин [2], Харро фон Зенгер [3] и некоторые другие. Заслуга этих исследователей заключается в том, что они не только перевели на европейские и русский языки работы древнекитайского стратега Сунь-цзы «Искусство войны» и «36 стратагем», но и сделали профессиональные комментарии к ним, указав в том числе и на сложность в определении авторства аутентичного текста, его принадлежность Сунь-цзы или Чжугэ Ляну. Вопросами имплицитного присутствия стратагемности в реализации внешней и внутренней политики КНР занимаются Ли Шуя [4], Цзян Цзыли [5], Чжун Мэйжунь [6]. Им принадлежат интересные с точки зрения фактического материала статьи по исследуемой тематике современного периода. При достаточной изученности проблемы китайскими, отечественными и зарубежными авторами все же присутствует исследовательский интерес к практическому применению стратагемности в реализации политики мягкой силы на современном этапе.

Цель нашего исследования – определить основные направления применения стратагем в реализации внешнеполитических планов КНР на основе материалов китайской публицистики. Объектом изучения является стратагемное мышление, предметом – процессы его практического применения в новых условиях реализации масштабного строительства и становления КНР как мировой сверхдержавы. При написании работы нами был применен метод систематизации и анализа материала источников на китайском языке. Наиболее ценным является обзор статей ведущего китайского периодического издания – журнала «Жэньминь хуабао» [5–7].

Согласно словарной дефиниции, приведенной в «Словаре антонимов, синонимов, слов с приблизительным значением, многозначных слов и иероглифов с несколькими способами чтения», под «стратагемой» *цзимоу* 计谋 в китайском понимании этого слова подразумевается «построение превентивного плана действий, который может быть направлен на человека или ситуацию; расчет возможных действий оппонента; предусмотрение ответных действий противника». Примечательно, что в строке синонимов отсутствует слово «политические меры», а антонимов для этой лексической единицы словарь не приводит [8]. Мы выдвигаем гипотезу о том, что стратагемное мышление играет немаловажную роль во внешней политике КНР, несет имплицитный характер, это мышление шахматного игрока, который тщательно просчитывает ситуацию перед следующим ходом.

Классический свод из 36 китайских стратагем можно условно разделить на 6 разделов по 6 стратагем каждая:

- 1) стратагемы против более сильного противника;
- 2) стратагемы равных противников;
- 3) стратагемы атакующего;
- 4) стратагемы запугивания и создания хаоса;
- 5) стратагемы достижения преимущества;
- 6) стратагемы, применяемые в безвыходных ситуациях.

Ввиду доступности списка стратагем мы не станем перечислять их, а ограничимся выборочным указанием той или иной сентенции или цепочки выстроенных стратагем, которые, по нашему мнению, применимы в тех или иных внешнеполитических ситуациях на современном этапе. Следует отметить, что специфика материала заключается в том, что все 36 стратагем в той или иной мере содержат отсылки к прецедентным ситуациям героического китайского прошлого, например: «осадить Вэй, чтобы спасти Чжао» или характерные приметы традиционного крестьянского уклада, который отражается в языковой картине мира – «убить петуха, чтобы наказать обезьяну» [1]. Носителю китайского языка и культуры такие сентенции не кажутся вычурными или, наоборот, стилистически сниженными, поэтому риторика первых лиц КНР включает подобные фразеологизмы.

Осенью 2012 г. на XVIII съезде КПК китайским правительством были определены основные приоритеты стратегического развития КНР на ближайшее десятилетие. Среди них заявлено намерение «проводить независимую и самостоятельную политику, принимать активное участие в деятельности ООН, Большой двадцатки (G 20), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), стран БРИКС и других международных организаций» [4].

В своем докладе Ху Цзиньтао, в то время занимавший пост председателя КНР, подчеркнул, что Китай выступает за мирное решение международных споров и «горячих» проблем, против применения оружия и угроз о его применении, против подрыва законной власти в других странах и терроризма во всех его проявлениях. Военная политика Китая носит исключительно оборонительный характер, но вместе с тем «КНР продолжит непоколебимо защищать свой интерес и безопасность и противостоять давлению извне» [9]. Такая позиция вполне в духе китайских принципов соблюдения нейтралитета в международной политике и соответствует ситуациям, описываемым в стратегеме № 9: «鷸蚌相爭漁人得» yù-bàng xiāngzhēng, yú rén dé lì (когда баклан схватывается с устрицей, рыбак остается в выигрыше) [2].

Председатель Ху Цзиньтао последовательно проводил продуманную стратегию по созданию имиджа «гармоничного Китая», которая репрезентировалась миру в рамках ряда правительственных ассоциаций, например «Китайской ассоциации международного обмена и взаимопонимания». Парадигма развития КНР в период управления страной Ху Цзиньтао была сформулирована в духе официального дискурса предыдущей политической эпохи Дэн Сяопина и Цзян Цземиня [10].

Усилия были направлены на смягчение образа коммунистического Китая, который жестко противопоставлял себя миру, условно разделяя его на три части: Китай, враги и союзники [11]. Очевидно, понимание Мао Цзэдуном внешней политической ситуации периода «большого скачка» и последующей «культурной революции» убедили его в правильности выбора такой стратегически важной для Китая позиции. Соответствующая стратегема № 2 гласит: «圍微救趙» wéi Wēi jiù Zhào, что в переводе означает: «окружить (столицу) царства Вэй, чтобы спасти царство Чжао». Учитывая тот факт, что стратегемы – это высказывания на классическом языке, следует обратиться к комментарию этой сентенции. В нем содержится совет: «Лучше врагов разделить, чем позволять им быть вместе, нападать там, где уступают, не нападать там, где дают отпор» [2].

Пятое поколение китайских политиков считает приоритетным предотвращать возникновение любых неблагоприятных ситуаций, проводя политику пассивного участия в указанных выше международных организациях, предпочитая сепаратные переговоры с правительствами стран, в участии которых они заинтересованы по решению вопросов терроризма или спорных территорий.

Так, одним из ожидаемо успешных проектов считается тщательная работа по улучшению экономической и политической ситуации в странах Центральной Азии, которые имеют с КНР сухопутную границу. Здесь китайцы преследуют свои геополитические интересы, стремясь контролировать рост национализма мусульманского населения КНР. Озабоченность властей вызывает нестабильная ситуация в СУАР, где проживает 8 млн уйгуров, и центральные власти активно благоустраивают системы коммуникации, шоссе, железные дороги, проводят интенсивную газификацию и прокладывают линии электропередач в труднодоступных районах, всеми средствами включая этот регион Китая в общенациональную систему. Внутренняя политика, проводимая в этом регионе, подразумевает также заселение региона *ханьцами* (уйгуры составляют 45 % населения СУАР) [7].

Кроме того, китайцы стремятся обезопасить себя, активно содействуя экономической включенности стран, по территории которых некогда пролегал Великий шелковый путь. Тем не менее *мягкая сила* китайской политики только кажется таковой: до сих пор остаются неразрешенными некоторые разногласия с Индией, а деятельность китайских недроразведывательных компаний в Афганистане не может не привлекать внимания других заинтересованных сторон. Намерения КНР очевидны – наращивать свой собственный экономический потенциал, сберегая внутренние природные ресурсы и пользуясь тем, что можно купить у соседей (медь, уран, драгоценные металлы). Таким образом, реализуется классический план стратега № 24: «假道伐虢» jiǎ dào fá guó. Комментарии содержат наставление воспользоваться ресурсами более слабого, чтобы одолеть и его, и «его противников, которые зажали с двух сторон» [1].

Официальный дискурс КНР, касающийся осуществления политики в этом регионе мира, подразумевает создание мультикультурного экономического пространства, в котором каждому участнику уделяется внимание вне зависимости от его участия. Основной посыл проекта «一带一路» – «Один пояс, один путь» заключается в том, что народы этих территорий объединены общей судьбой, несмотря на существование разных политических систем и прошлый опыт. Они составляют некую общность, имеющую давнюю славную историю (функционирование Шелкового пути как торгового сообщения между Востоком и Западом), национальное многоголосие (в котором каждый голос важен), ярко выраженный азиатский колорит (соответствует росту про-исламских настроений). Страны-участницы самого масштабного проекта Си Цзиньпина становятся значимыми игроками на региональном уровне, и у них появляются неплохие перспективы значительно улучшить свое экономическое положение. Таким образом, вековые китайские мечты, связанные с материальным процветанием и социальным благополучием, успешно «прививаются» на сопредельных территориях. Кроме того, реализуется одна из мощных идей устройства общества по китайскому разумению – когда все заняты делом, Поднебесная процветает [12].

По мнению американского исследователя Роберта Каплана, «влияние Пекина в Центральной Азии символизируют два крупных трубопровода: один пролегает через Казахстан и предназначен для снабжения Синьцзяна нефтью, добываемой в Каспийском море; по другому, проходящему через Казахстан и Узбекистан, в Синьцзян будет поступать природный газ из Туркмении» [13]. Так реализуется один из принципов КНР на современном этапе – укрепление внутренней стабильности вкупе с усилением внешнеполитической позиции КНР. Вполне вероятно, что в данном случае применима цепочка из нескольких стратегем, главная из которых № 30 «反客为主» fǎn kè wéi zhǔ, что означает «превратить роль гостя в роль хозяина положения, нащупывать вход и продвигаться вперед, пока не достигнешь главенства» [2].

КНР последовательно осуществляет политику избавления от «трех зол» – терроризма, сепаратизма и экстремизма, а также проводит работу по снятию напряженности на сухопутной и морской границе. В вопросе демаркации некоторых участков границы за последние 30 лет были достигнуты впечатляющие результаты – решен вопрос по спорным территориям с Российской Федерацией, важным стратегическим партнером КНР на ближайшие годы. Это

дает возможность китайцам переключить имеющиеся военные и политические ресурсы на решение проблемы спорных территорий Южно-Китайского (Восточного) моря, действуя в новой парадигме геополитических решений.

Прежде всего, это проецирование мягкой силы и военной мощи в указанном регионе: с Японией предметом дискуссии являются острова *Дяюйтай* (*Сэнкаку*), с Филиппинами и Вьетнамом – острова *Спратли* (*Наньша*). Основной геополитический и экономический интерес КНР вызывает особая акватория с множеством островов в Южно-Китайском море, которую называют «U-образная зона» или «коровий язык». Название этой зоны было предложено Китайской Республикой в декабре 1947 г., когда китайцы предъявили на нее права; изначально она была поделена на 9 секторов. Из-за внешней схожести этой линии с коровьим языком спорная акватория и расположенные там острова получили такое название от вьетнамской стороны, также претендующей на нее.

Сложность ситуации, по мнению Ву Зыонг Хуана, заключается в том, что в спор о принадлежности акватории и ряда островов Южно-Китайского, или Восточного, моря (по названию в некоторых других, в частности, вьетнамских источниках) вовлечено 8 стран и одна территория. На Парасельские острова (*Сиша*) претендуют 6 стран: Китай, Тайвань и Вьетнам пытаются установить суверенитет над всем архипелагом, Филиппины, Малайзия и Бруней – над его частью [14. С. 21].

Между Китаем, Тайванем и Вьетнамом также существует спор об островах Спратли. Фактически 80 % спорной акватории Южно-Китайского моря, пользуясь военным и политическим преимуществом, обладает Китай. Такая ситуация складывается из-за несовершенства международного морского права. Страны, имеющие интересы в Южно-Китайском море, высказывают намерение решать споры по Парасельским островам сообща, чему противостоит Китай, препятствующий предварительным этапам переговоров своих партнеров. Китайцам выгоднее вести политику только двусторонних переговоров, мягко расширяя границы своих владений: в 1992 г. ВСНП КНР было принято решение о включении островов Спратли в состав китайской провинции *Хайнань* без каких-либо консультаций по этому вопросу с другими заинтересованными странами региона. С точки зрения применения стратегем в этом регионе китайцам приходится применять более сложные комбинации, например сочетание 25-й и 28-й стратегем. Первая «偷梁换柱» *tōu liáng huàn zhù* подразумевает подмену содержания при сохранении общей идеи с целью получения выгоды подобно тому, как «подменяют крепкие балки моста ветхими» [4].

Так, КНР использует очевидную слабость конкурентов, обещая в перспективе определить долю их участия в добыче природных ископаемых и морских ресурсов, в принципе не собираясь этого делать, иначе бы зачем им затягивать решение вопроса о спорной акватории. Стратегема № 28 «树上开花» *shù shàng kāi huā* («украшать деревья пышными цветами») является одной из самых применимых в информационных войнах. Ее цель – вывести на первый план некую альтернативу развития ситуации и отвлечь внимание от существующей проблемы. Она хорошо сочетается с еще одной уловкой, стратегемой № 7 «無中生有» *wú zhōng shēng yǒu* (извлечь нечто из ничего, создавая фикцию).

Континентальный Китай усиленно охраняет свои национальные интересы в Южно-Китайском море, и его притязания были бы, возможно, шире, если бы была разрешена проблема уязвимости китайского флота – возможность переброски живой силы без потерь. Так называемая «первая островная гряда»: Корейский полуостров, Курильские острова, Япония (включая острова Рюкю), Тайвань, Филиппины, Индонезия и Австралия – «представляет собой нечто вроде Великой Китайской стены, развернутой против Китая» [15].

«Вторая островная гряда», включающая о. Гуам с американской военной базой, видится КНР еще более укрепленной. Китайские власти успешно осуществили политику «Четырех модернизаций», в том числе и модернизацию НОАК. По некоторым данным, в ней числится около 1,6 млн человек, еще около 3 млн находится в запасе. По состоянию на начало 2015 г. боевая мощь КНР была подкреплена наличием авианосца «Ляонин», 29 эсминцев, 69 подводных лодок, 86 десантных кораблей. В состав морской авиации Китая входят 120 бомбардировщиков Н-5, 45 истребителей J-7, около 60 истребителей J-8, около 100 истребителей-бомбардировщиков китайской разработки JH-7, 24 истребителя Су-30. Расходы на вооружение в 2014 г. составили 132 млрд долларов и непрерывно растут [15, 16].

В мирное время силы НОАК активно применяются в зонах национальных бедствий, при ликвидации последствий землетрясений и наводнений, армия хорошо оснащена и мобильна, но на современном этапе начало боевых действий достаточно опасно: результат непредсказуем, а любая военная кампания требует огромных средств. По сообщениям японской печати, в КНР реализуется программа усиления военно-морской мощи Китая, рассчитанная до 2050 г. Планируется совершенствование возможностей по ведению береговой обороны до создания боевых кораблей с противолодочными вертолетами на борту, ведется обновление флота за счет строительства атомных подводок и авианосцев [6].

В акватории «U-образной зоны» («коровьего языка») китайцы предпочитают проводить политику сверхдержавы, которая имеет глобальное влияние, но являет миру сугубо региональный менталитет, борясь за право владения спорными территориями и в целях соблюдения национальных интересов, и с намерением приобретения новых природных ресурсов. Прибрежный шельф этой акватории богат не только морскими ресурсами, но и нефтяными запасами. Так, по оценке КНР, шельфовая добыча нефти может составить от 213 до 225 млрд баррелей нефти, добыча рыбы в этой акватории достигает 7–8 % от мировой [17. С. 148]. Метод сдерживания соседних государств в спорной акватории несет завуалированный посыл более сильным противникам и напоминает стратегию «指桑骂槐» zhǐ sāng mà huái (ругать акацию, указывая на тутовое дерево). Классический конфуцианский комментарий содержит совет внушать страх, не переходя к жестким мерам. Альтернативный вариант стратегии – 杀机傲猴 shā jī ào hóu (убить петуха, чтобы наказать обезьяну) [2].

Еще одним немаловажным фактором возникновения притязаний прилегающих стран на различные части акватории Южного моря является его крайне выгодное судоходное положение – в настоящее время в качестве транспортных путей используются 4 пролива: *Малакка, Ломбок, Сунда, Омбай-Ветар*. Пролив Малакка по интенсивности судоходства занимает второе место в мире. В случае если по каким-либо причинам транспортные суда не

смогут следовать через него, могут использоваться другие три, но расходы на транспортировку при этом существенно повысятся. В Восточном море случаются инциденты торговых судов с пиратами и террористами.

Как уже упоминалось выше, и КНР, и Тайвань предъявляют одинаковые требования по установлению суверенитета над островами *Сиша*. Ситуация выглядит казусной, так как КНР претендует и на установление своей юрисдикции над островом Тайвань, входящим в состав так называемой «первой островной гряды».

Особенностью внешней политики КНР является крайняя прагматичность, которая проявляется в отстаивании национальных интересов, для этой задачи провозглашаются грандиозные лозунги. Одним из них является призыв к «объединению Китая» при признании известных культурных особенностей и значимости каждой китайской провинции, включая Тайвань. Идея об особенностях каждого региона Китая принадлежит Ху Цзиньтао. Но такая позиция не устраивает тайваньские власти, которые уже успели сконструировать идеи национальной идентичности с упором на исключительность Тайваня в политико-культурном, геополитическом, экономическом и других планах. Тайваньцы считают свою родину «единственной страной в ареале китайской цивилизации и даже всего Дальнего Востока, имеющей полноценную многопартийную демократию с опытом мирной передачи власти» [18]. За все годы развития демократии наблюдается достаточно острая борьба за власть между ГМД и ДПП. При всей неоднозначности подхода к проблеме признания независимости Тайваня от КНР и соответствующей политической риторике властям Тайваня удалось выработать достаточно эффективную и стройную систему национальных идей, например, уникальное сообщество по принципу землячества «Тайвань – земля, на которой мы выросли», по «воле общей судьбы», по идее существования «отдельной тайваньской нации» и т.п. [Там же].

Исследователи выделяют три основных китайских национальных мифа. Первый в трактовке правительства КНР: Китай – единое великое государство и единая дружная «семья народов». В этом государстве имеются локальные различия, включая даже различия в системе управления, но судить о нем следует по его «совокупной силе». Китайцы – это все жители Китая, и они являются наследниками великой древней цивилизации [19].

Национальный миф ГМД базируется на понимании общности китайской нации с общей судьбой, но Тайваню в рамках этого взгляда отводится роль альтернативного «свободного Китая». Так, бывший президент Тайваня Ли Дэнхуэй призывал «превратить Тайвань в новую Срединную равнину» (имеется в виду равнина р. Хуанхэ, которая была традиционным политическим центром китайской цивилизации) [18. С. 154].

Лидеры ДПП ведут более решительную политическую риторику, считая, что Тайвань – отдельная страна со своей историей и отдельной нацией, которая имеет право на собственное государство. Они часто повторяют, что история Тайваня насчитывает четыреста лет, т.е. она началась с переселения на остров китайцев с материка. Стройная конструкция национальных идей, построенных для формирования национальной идентичности, заметно эволюционирует от первоначальных идей о разделении тайваньцев на *вайшэнжэнь* и *бэньшэнжэнь* (по факту рождения на Тайване или в континентальном

Китае) до «мультикультурного плавильного котла», «народа с разными корнями, но единой судьбой».

В действительности обе стороны пролива не заинтересованы в обострении ситуации, так как в сложившейся обстановке эскалация конфликта не выгодна, несет с собой дестабилизацию в регионе, исход военного конфликта непредсказуем и банально дорог. Поэтому китайцы предпочитают решать «внутренние споры» самостоятельно, применяя стратегию уступок № 11 «李代桃僵» *lǐ dài táo jiāng* (пожертвовать сливой, чтобы сохранить персик) [4].

Проблема самоопределения Тайваня тем более чувствительна для КНР, так как она затрагивает актуальную сторону китайской политики как страны, осуществляющей методы условного регионализма. Исторически сложилось так, что Китай берет на себя минимум ответственности в тех инцидентах, когда это не выгодно китайской стороне. Это связано с намерением извлечь большую выгоду в данный момент, действуя в парадигме стратегии № 17 抛砖引玉 *pāo zhuān yǐn yù* (бросить кирпич, чтобы подобрать яшму) [2].

Так, Цинская империя предпочитала держаться в стороне в конфликте заинтересованных страховых компаний и китайских рыбаков, которые подняли медь с затонувших в акватории *Сиша* 1895 и 1896 гг. кораблей «Ла Беллона» и «Имэдзу Мару», аргументируя тем, что Парасельские острова не являются ее территорией [17. С. 149]. В других случаях эти территории считались китайскими уже начиная с XVII в., когда на островах вели добычу рыбы и китайские, и вьетнамские рыбаки.

Политика КНР по спорным территориям подразумевает отсутствие какой-либо глобальной миссии и уж тем более осознания величия этой миссии. Позиция Китая укладывается в стремление изменить ситуацию в свою пользу, дождавшись наиболее благоприятного момента, извлекая из сложившегося положения максимальную выгоду. Так, они выступают за «совместное использование» природных ресурсов на океаническом шельфе, прилегающем к спорным территориям *Сиша*, в то время как на островах Спратли, принадлежность которых также под вопросом, КНР осуществляет собственный контроль и не приглашает заинтересованные страны осуществлять совместную разработку ресурсов на *Наньша*.

Таким образом, присутствие КНР на спорных территориях осуществляется в парадигме выгоды и стратегического мышления. Это вполне в духе прагматичных китайцев, тем более реальность такова, что растущему Китаю в XXI в. требуется все больше пространства и ресурсов для развития. КНР ведет разумную политику, соглашаясь на соблюдение норм международного права в указанном регионе при условии, что не появятся угрозы со стороны третьих стран, претендующих на господство в этой же акватории. Такая линия поведения позволяет КНР соблюдать национальные интересы: на правах сверхдержавы Китай обеспечивает политическую стабильность в акватории Южно-Китайского моря, разрабатывая планы господства по краям китайской ойкумены в классической традиции применения стратегии.

Литература

1. Тридцать шесть стратегий. Китайские секреты успеха / пер. с кит. В.В. Малявина. М.: Астрель, 2000. 178 с.

2. Воеводин А.И. Стратегемы. Стратегии войны, бизнеса, манипуляции, обмана. М.: Изд. группа «Эт Сетера», 2004. 206 с.
3. Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. М.: Эксмо, 2004. Т. 1–2.
4. 李舒亚. 国际瞩目的新疆机会。= *Ли Шуя*. Уйгурский шанс международной политики // *人民画报* = Жэньминь хуабao, 2013. № 10. С. 83–89.
5. 姜自立等. 高原《牦牛魂》阿里军分区保障部部长钱有武。= *Цзян Цзыли и др.* «Горные яки» китайской границы. Интервью с командующим округом Цянь Юю // *人民画报* = Жэньминь хуабao, 2013. № 10. С. 70–77.
6. 仲魅闰等. 深蓝航道上的和平承诺。= *Чжун Мэйжунь и др.* Мирными морскими путями // *人民画报* = Жэньминь хуабao, 2011. № 12. С. 12–29.
7. 段葳. 西进外交的升华之旅。= *Дуань Вэй*. Путешествие на запад // *人民画报* = Жэньминь хуабao, 2013. № 10. С. 10–16.
8. 同义词近义词反义词多音多义词典。= *Словарь* антонимов, синонимов, слов с приблизительным значением, многозначных слов и иероглифов с несколькими способами чтения // *中国国际出版集团* = Чжунго гоцзи чубаньшэ. 2009. 265 с.
9. *Итоги XVIII съезда КПК* // <http://www.tass.ru/2012/11/14> (дата обращения: 30.01.2017).
10. Лю Цзайцзы. Мягкая сила в стратегии развития Китая // *Полис*. 2009. № 4. URL: <http://www.politstudies.ru/2017/01/30> (дата обращения: 30.01.2017).
11. 毛泽东. 两个中间地带。三个世界划分和一条线。= *Мао Цзэдун*. Два пояса. Три мира. URL: <http://www.mxndnet.blog.sohu.com/2017/01/30> (дата обращения: 30.01.2017).
12. 美德书: 中华传统美德格言 800条/魏普风, 唐继军编著 = Книга о благодетели. 800 крылатых фраз о воспитании в высоком духе китайской традиции. Пекин: Чжунго хуацяо, 2006. 1. 318 с.
13. Каплан Р.Д. География китайской мощи // <http://www.perspectivy.info/2017/01/30> (дата обращения: 30.01.2017).
14. *Ву Зыонг Хуан*. Пути решения островного спора в Южно-Китайском море // *Россия и АТР*. Научный журнал: гуманитарные проблемы стран АТР. 2014. № 2. С. 20–32.
15. Кобелев Е. Южно-Китайское море: тлеющий очаг конфликта // *Внешняя политика*. URL: <http://www.obosrevatel.info/2017/01/30> (дата обращения: 30.01.2017).
16. Слободян Е. Что стоит на вооружении КНР? URL: <http://www.aif.ru/2014.10.15> (дата обращения: 29.01.2017).
17. *Ву Зыонг Хуан*. Территориальные споры в Восточном море // *Россия и АТР*. Научный журнал: гуманитарные проблемы стран АТР. 2012. № 4. С. 143–157.
18. *Ли Дунхуэй*. Позиция Тайваня. М., 2000. 272 с.
19. 陈昭英. 说明台湾人定义。= *Чэнь Чжаоин*. Определим понятие тайваньца // *理论与政策* = Лилунь юй чжэнцэ. 2004. № 3. С. 15–34.
20. *Ишутина Ю.А., Поповичева Ю.Н.* Эволюция официального национализма на Тайване // *Россия и АТР*. Научный журнал: гуманитарные проблемы стран АТР. 2007. № 3. С. 110–117.

Ishutina Yuliya A. Eastern Institute – School of Regional and International studies of Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

E-mail: ishutina.yuliya.74@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 29, pp. 89–98.

DOI: 10.17223/22220836/29/8

STRATAGEM MENTALITY IN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA REGIONAL POLITICS

Key words: stratagem, Hu Jintao, national identity, regional politics, traditions and modernity.

The Chinese mentality has a very strong point. It is the stratagem way of solving problems to get profits at every level of communication. Chinese foreign policy bases at stratagem as well. Though it uses ancient ideas, such as Zhuge Liang and Sunzi, stratagem is very actual nowadays. Going through analyzing we used method of systemizing materials of Chinese press. The main aim of this article is to define main stream of using the stratagem way in Chinese regional politics. Object is stratagem mentality; subject is the way of using it under some new reality such as China developing process into the world hegemony.

There are two main ways of using stratagems obviously can be seen in regional politics in Peoples' republic of China. The first is making «One thread – the same way of developing». It is making CRP position at this region stronger while it is getting stronger inside of China. It can be found the whole chain of stratagems, the main is 30 «反客为主» fǎn kè wéi zhǔ, «making yourself the host of situation». Chinese intentions are to save its own natural resources (precious metals, uranium, copper) while buying everything they can get from neighbor countries. This is the way of classic stratagem 假道伐虢» jiǎ dào fá guó. The meaning is to use the resources of someone weak to win it and its enemies too. The second intention is manipulating at the South Chinese sea aquatory. Using its military advantage China promises other countries to share parts in mining minerals and getting marine resources as like «树上开花» shù shàng kāi huā stratagem. The main purpose of China is to be a passive participant of world process until its geopolitical interest are involved as the fisher gets more when let fish to kill each other.

References

1. Anon. (2000) *Tridtsat' shest' stratagem. Kitayskie sekrety uspekha* [Thirty-six stratagems. Chinese secrets of success]. Translated from Chinese by V.V. Malyavin. Moscow: Astrel'.
2. Voevodin, V. (2004) *Stratagemy. Strategii voyny, biznesa, manipulyatsii, obmana* [Stratagems. Strategies of war, business, manipulation, deception]. Moscow: Et Setera.
3. Senger, H. von (2004) *Stratagemy. O kitayskom iskusstve zhit' i vyzhivat'* [Stratagems. About the Chinese art of living and surviving]. Translated from German by A. Dybo. Vol. 1–2. Moscow: Eksmo.
4. Leah Shuya. (2013) Goji zhumude Xizang jihui [Uyghur chance of international policy]. *Renmin huabao*. 10. pp. 83–89.
5. Jiang Zili et al. (2013) “Gaoyuan maoniu hun” Ali jun fenqu baozhang bu buzhang Qian you wu [“Mountain Yaks” of the Chinese border. Interview with the Commander of the Qian Yuu District]. *Renmin huabao*. 10. pp. 70–77.
6. Zhong Meirun et al. (2011) Shenlan haidao shangde heping chengnuo [Peaceful sea routes]. *Renmin huabao*. 12. pp.12–29
7. Duan Wei. (2013) Xi jin waijiaode shenghua zhi lu [Journey to the West]. *Renmin huabao*. 10. pp. 10–16.
8. Anon. (2009) Tong yici jinyici fanyici duoyin duoyi cidian [Dictionary of antonyms, synonyms, words with approximate meaning, multi-valued words and hieroglyphs with several ways of reading]. *Zhongguo guoji chubanshe*.
9. TASS. (2012) *Itogi XYIII s"ezda KPK* [Results of the 28th Congress of the CCP]. [Online] Available from: <http://www.tass.ru/2012/11/14>. (Accessed: 30th January 2017).
10. Luo Zaizi. (2009) Myagkaya sila v strategii razvitiya Kitaya [Soft power in the development strategy of China]. *Polis*. 4. [Online] Available from: <http://www.politstudies.ru/2017/01/30>. (Accessed: 30th January 2017).
11. Mao Zedong. (2017) *Liangge zhongjian didai.Sange shijie huafen he yitiao xian* [Two belts. Three worlds]. [Online] Available from: <http://www.mxndnet.blog.sohu.com/2017/01/30>. (Accessed: 30th January 2017).
12. Anon. (2006) *Mei de shu: Zhonghua renmin chuantong ge yan 800 tiao* [The book on charity. 800 winged phrases about education in the high spirit of the Chinese tradition]. Beijing: Chzhungo khuatsyao.
13. Kaplan, R.D. (2017) *Geografiya kitayskoy moshchi* [Geography of Chinese Power]. [Online] Available from: <http://www.perspectivy.info/2017/01/30>. (Accessed: 30th January 2017).
14. Wu Ziong Huan. (2014) Puti resheniya ostrovnogo spora v Yuzhno-Kitayskom more [Ways to solve the island dispute in the South China Sea]. *Rossiya i ATR*. 2. pp. 20–32.
15. Kobelev, E. (2017) *Yuzhno-Kitayskoe more: tleyushchiy ochag konflikta* [South China Sea: smoldering hotbed of conflict]. [Online] Available from: <http://www.obosrevatel.info/2017/01/30>. (Accessed: 30th January 2017).
16. Slobodyan, E. (2014) *Chto stoit na vooruzhenii KNR?* [What is in the arsenal of the PRC?]. [Online] Available from: <http://www.aif.ru/2014.10.15>. (Accessed: 29.01.2017).
17. Wu Ziong Huan. (2012) Territorial'nye spory v Vostochnom more [Territorial disputes in the East Sea]. *Rossiya i ATR*. 4. pp. 143–157.
18. Li Donghui. (2000) *Pozitsiya Tayvanya* [Position of Taiwan]. Moscow: Moscow State University.
19. Cnen Zhaoying. (2004) Shuoming taiwan ren dingyi [Defining the concept of the Taiwanese]. *Lilun yu zhengce*. 3. pp. 15–34.
20. Ishutina, Yu.A. & Popovicheva, Yu.N. (2007) Evolyutsiya ofitsial'nogo natsionalizma na Tayvane [Evolution of official nationalism in Taiwan]. *Rossiya i ATR*. 3. pp. 110–117.